

ЭТНО-СОЦИОГЕОГРАФИЯ СТРАНЫ БУДИНОВ. (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ HERODOT., IV, 20, 100-102, 105, 107-109, 119, 125)

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Одно из самых последних, феноменальных по своей сути, открытий скифской археологии, относящихся, на наш взгляд, к числу радикально меняющих существующие представления относительно этнической карты Скифии Геродота, в особенности, ее северо-восточной окраины, является оставшееся едва замеченным в науке установление А. П. Медведевым тождества погребальных комплексов и обряда у носителей соседних скифоидных культур в бассейнах Северского Донца и Среднего Дона [1, 92-103].

Принципиальная его важность помимо всего остального заключается, на наш взгляд, в нескольких аспектах:

- 1) оно доказывает культурное родство обитавших в этом районе племен;
- 2) оно выводит на несколько отличное понимание этнической карты междуречья Северского Донца и Среднего Дона;
- 3) оно представляет возможность иного понимания смысла, вложенного «отцом истории» в его характеристику населения северо-восточного угла скифского хинтерланда.

В доказательство названного тезиса необходимо возвратиться к сложившимся к настоящему времени представлениям об этногеографии Скифии. Литература относительно последних поистине огромна: если опираться только на публикации результатов раскопок, статьи и обобщающего порядка исследования второй половины 90-х гг. XX и начала XXI в., то можно прийти к заключению о том, что она по отношению к предшествующему периоду, по меньшей мере, удвоилась [2].

Однако относительно локализации скифских и нескифских племен в ней к настоящему времени за некоторым исключением присутствует ярко представленный в соответствующих публикациях, значительный (до диаметральной противоположности) разброс мнений относительно географии и этнографии Скифии, объяснение которому надо усматривать как в научных приоритетах конкретных ученых, разрабатывающих данную проблему, так и в основанных на них трактовках, интерпретации и самом понимании свидетельств Геродота

и соотносимых с ними данных археологических источников [3]. В результате к настоящему времени наука не располагает не только единой, но и общепринятой концепцией построения этногеографической карты Скифии, включая сюда и локализацию племен, населявших в VI–IV вв. до н. э. (по новейшим датировкам VIII–IV вв. до н. э.). [4, 42] междуречье Северского Донца и Среднего Дона и примыкающие к нему районы Лесостепи.

Собственно этим и продиктована настоятельная необходимость поиска такого подхода, на основании которого, с одной стороны, удалось бы надежно «привязать» друг к другу данные Скифского логоса и археологические памятники степной и лесостепной Скифии (в широком смысле данного понятия). Понятно, что выполнение такой глобальной задачи одному исследователю не под силу. Поэтому, как нам представляется, потребуется еще немало времени и сил, для того чтобы основательно разработать и аргументировать целостную концепцию скифской этно- и социогеографии. Понятно и другое: в рамках данной проблемы ее появлению должны предшествовать исследования отдельных проблем и микрорайонов с целью выявления и подбора материальных проявлений этничности населения, занимавшего в скифское время ту или иную территорию степи или лесостепи, с последующим наложением полученных результатов на свидетельства и Геродота, и античной традиции в целом.

Не меньшее место в указанном направлении должно занять изучение ее самой. При этом в качестве первоочередной задачи, как нам представляется, необходимо сформулировать потребность в сведении воедино всей совокупности свидетельств античных авторов о конкретных племенах-соседах скифов в степи и лесостепи в единый, локально-тематический свод с качественным анализом каждого показания источников, подвергнутого системному анализу-синтезу с привлечением познавательных возможностей этимологического метода и данных лингвистики. Но самое главное, для того чтобы такую работу проделать, необходимо определиться в методологии исследования, с

помощью которой только и станет возможным вскрытие тех пластов информации, которые ранее были неизвестны или не привлекали внимания специалистов.

В науке настоящего времени предложения по данному вопросу есть, но все они так или иначе «завязаны» на вскрытии информации источников преимущественно в пределах историко-археологического контекста, который при всех своих феноменальных возможностях тем не менее, как показывают имеющиеся результаты, хоть и является весьма плодотворным, но в то же время выступает слишком узким для решения сформулированной выше задачи [5, 282].

В такой ситуации, по нашему мнению, необходимы совершенно иные «стартовые» критерии. Одним из них должен стать достаточно подзабытый современным поколением археологов и специалистов по истории античности, но хорошо в свое время зарекомендовавший себя, доказавший свою полезность в историко-этнографических исследованиях историко-социологический подход к интерпретации памятников материальной культуры, естественно, скоррелированный с достижениями современной структурной антропологии и взглядами сторонников школы альтернативных подходов к реконструкции социальных и политических систем первобытного общества как у нас в стране, так и за рубежом. В первую очередь мы имеем в виду концепцию «вождества», разработанную Сервисом-Скалником, а у нас в стране развитую Н. Н. Крадиным и его единомышленниками [6].

Но есть отдельные аспекты, которые в специальной литературе или не затрагивались вообще, или принимались во внимание в самой незначительной степени. Это касается прежде всего осмысления систем пространственного, территориально-этнического и социального расселения и разделений обществ ранних скотоводческих сложных вождеств (или кочевнических государств). Все, что имеется в существующих публикациях на этот счет, имеет тенденцию «наложения» археологических фактов на результаты разработок структурных антропологов или этноисториков, а потому, поскольку реконструкции производятся вне учета моделей и закономерностей социально-политического развития древних обществ Средиземноморья и примыкающих к нему областей (к тому же представленных в трудах античных авторов, в частности, в «Политике» Аристотеля), весьма далеко от тех реальных процессов, которые как раз и характеризовали становление и развитие обществ и

«политий» указанного типа во временном измерении. Впрочем, единственным исключением в указанном отношении, на наш взгляд, является опубликованное не так давно монографическое исследование Т. В. Блаватской, посвященное эллинской государственности XII–VII вв. до н.э., в котором намечены и подвергнуты анализу все основные компоненты социо-и политогенеза племен Балканского полуострова во времена так называемых «темных веков» и ранней архаики греческой истории [7].

Публикация труда маститого и уважаемого отечественного антиковеда, таким образом, имея в виду точку зрения о северо-восточном происхождении и скотоводческом прошлом далеких предков эллинов, ставит не только четкие цели и задачи в исследовании обществ ранних скотоводов степи и лесостепи Евразии, но и содержит конкретные предложения относительно основных направлений и их перспектив, заставляет более внимательно относиться к существующим на этот счет к настоящему времени концепциям.

Нам уже приходилось высказываться по вопросу трактовки в современной историографии структур вождества, возможности существования у племен ранних скотоводов степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы некоего подобия архаической государственности и самой перспективности такого подхода, оставляющего без внимания экономические, политические, социальные, культурные, духовные и иные закономерности общественного развития, предающего забвению законы его диалектики и неравномерности, включая системный подход и комплексные методы вскрытия исторической информации в разнотипных источниках [8].

С точки зрения предмета данной статьи этот аспект не требует своего детального рассмотрения, однако перечисленные принципы, на наш взгляд, как раз и доказывают свою плодотворность в плане рассмотрения системности тернарных и тетрарных социо-этнических структур скотоводческих племен указанного периода [9].

Действительно, главная черта ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии, если оторваться от частных случаев, заключалась в единстве основных компонентов материальной и духовной культуры их основных представителей в эпоху ранней и средней бронзы, носителей так называемых самых «великих культурных общностей», т. е. то же, что и характеризовало общность культуры эллинского мира до XIII в. до н.э. [7, 39]. Другими проявлениями сходства социоисторической и эт-

ногенетической картины экономического, политического, социального и военного развития между ними, на наш взгляд, были: 1) длительные и напряженные отношения победителей и побежденных во времена миграций; 2) широкое распространение скотоводческих культурных общностей в направлении запад-восток и восток-запад с заключительной (и неизменной) дирекцией на юг; 3) долгое сохранение общности в погребальном обряде и закодированных в нем представлений; 4) кланово-племенной характер великих культурных общностей степи и лесостепи Евразии эпохи бронзы; 5) синойкизм как неперемное условие (и определяющая закономерность) форм политогенеза, формирования кланово-племенных общностей и различного типа «политий» (вожеств); 6) тенденция к удвоению бинарных биосоциальных и политических систем; 7) господство клановой общины, союза мужей (глав кланов) и вооруженного демоса (глав большесемейных патриархальных общин); 8) моно- или полиморфизм политического устройства, в котором причудливо сочетались автономия и автаркия отдельных социумов как политических единиц; 9) господствующий тип патриархальной власти – военно-биологическая гегемония (*tes kata polemon hegemones kai ton physion* (Arist., Pol., III, 9, 7 (1285b8)); 10) близость отдельных религиозных верований и постоянство сохранения религиозных контактов с населением областей прародины и соседей.

Иными словами, перечисленные черты представляют собой не что иное как усредненную теоретическую модель социо- и политогенеза, основу закономерности развертывания (и свертывания) которой составляет цикл, основными этапами которого являются – вождество – миграция – синойкизм – изменение и усложнение структуры хозяйства и общества (вплоть до изменения господствующего ХКТ) – развитие урбанизма – образование союза племен (сложного вождества, полиса или иных форм ранней государственности). Ее важнейший результат, по нашему мнению, возможно, как раз и выразился в складывании таких кланово-племенных великих степных общностей степи и лесостепи Евразии, главной особенностью которых и выступала засвидетельствованная основополагающими письменными памятниками представителей индоевропейской общности и свидетельствами отдельных авторов от Индии до Италии сочетаемость тетрарности пространственно-этнического расселения и тернарности (естественно, условной) профессиональной и этно-социальной структуры

как внутри отдельного племени, так и в рамках союза племен [10].

Но самое существенное, причем неразрывно связанное с указанной моделью (и вытекающее из нее) заключается в том, что именно она, отражая естественно-географические, экологические социально-экономические, демографические, политические реалии (и общественные потребности), а главное, основываясь на учете степени и уровня разделения труда в общественном производстве, позволяет гипотетически наметить выделение не менее трех типов пространственно-этнических и территориально-социальных разделений, имевших место в обществах ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии во II–I тыс. до н. э.: 1) социально-профессиональный тип (исходящий из потребностей производства, обмена и войны); 2) этно-социо-территориальный; 3) административно-этно-территориальный.

Такой подход, как мы полагаем, чрезвычайно увеличивает возможности исторической реконструкции как понимания этнической карты Скифии вообще, так и населения ее отдельных областей, в том числе и племен северо-восточной окраины ее лесостепной и лесной периферии. К этому следует добавить, что реконструкционно-интерпретационные возможности еще более возрастут, если в решении проблемы исходить из того, что скифы Геродота представляли такое объединение различных, но этнически родственных скотоводческих племен, находившихся на разных уровнях социально-экономического развития, стержневым и консолидирующим элементом которого выступала состоявшая из объединения аристократических кланов орда-племя, узурпировавшая право на распределение и присвоение как естественно необходимого, так и избыточного продукта, производимого скотоводческими и земледельческими сообществами племен внутренних областей степной Скифии и ее лесостепных периферийных соседей (*perioikoi*), а также античными городами Северного Причерноморья, временами находившимися под ее протекторатом.

Такой характер обустройства геродотовой Скифии (ее этно-территориальное разделение на 4 части при трехчастной внутренней иерархической этно-социальной системе) достаточно давно лег в основу представления, согласно которому кочевая орда или племя, господствующие над другими родственными, зависимыми от них племенами, выступают в двух качествах: в качестве организующего, обладающего своей собственной военно-

пирамидальной структурой ядра этого возглавляемого ими союза, и одновременно выполнявших функции «несущей» конструкции разного типа такого рода социально-политических систем, государственности или альтернативных ей форм, складывающихся, как правило, при сравнительно неразвитой сословно-классовой структуре общества, и форм эксплуатации зависимого населения, основная тяжесть которых в виде данничества распространяется вовне, прежде всего на ближних и дальних соседей [11].

Более того, по мнению номадологов, приоритет кочевой орды-племени является не только непременным условием единства и управляемости постарно-политических (или государственных) образований такого типа, но и вообще является отличительным ее признаком, учет которого помогает определить основные направления социально-политического развития обществ кочевников, его тенденций направлений и факторов.

Поэтому прежде чем обращаться к этногеографии скифоидного, населения Лесостепи, необходимо в первую очередь разобраться в основах и принципах, в этногенезе и самом порядке пространственного распределения собственно скифских племен, поскольку надежная информация именно по этому вопросу как раз и содержится в свидетельствах античной традиции [12].

Помимо Геродота, особый интерес в ней представляют версии скифского этногенеза, представленные в трудах Диодора и Плиния. Согласно первому из них, «сначала они (скифы – авт.) жили в незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности... они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережье Океана и Меотийского озера и прочие области *до реки Танаиса*. Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя – змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который... назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью, один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назывались народы, один палами, другой – напами. Спустя несколько времени... они подчинили себе страну *за рекой Танаисом до Фракии* и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила» (II, 43, 2-4).

Согласно второму, скифские народы жили за рекой Яксартом (саки, массагеты, даги, аримаспы, эвхоты, котиоры (Plin., VI, 50). Именно здесь, как указывает римский автор, *напеи были уничтожены плеями* (там же). В район Танаиса и Меотиды, по его данным, вторглись скифские племена *авхетов, атернеев и асампатов, которые поголовно истребили танаитов и инанеев* (Plin., VI, 22). Местом обитания авхетов автор «Естественной истории» называет пространство от Тафр по направлению внутрь материка, где берет начало Гипанис (VI, 88). Сразу же за ними он размещает невров (в области которых берет начало Борисфен), гелонов, фиссагетов и будинов.

Указанные свидетельства уже становились предметом внимания со стороны А. М. Хазанова, для которого они выступали показателем достаточно ранней, вполне достоверной и взаимодополняемой информации, подтверждающей исходные рубежи, направления, последовательность и хронологию продвижения скифов в Северное Причерноморье [13, 207]. Ученый допускал и возможность привлечения свидетельств этих источников к исследованию их этногенетической истории [13, 37].

Однако в процессе исследований такого порядка, за исключением В. И. Петрова, а в последнее время и О. Н. Трубачева, никто из специалистов так и не обратил своего внимания на этимологию этнонимов *Palai* и *Napai* [14]. Между тем, как свидетельствуют результаты осмысления последних с точки зрения общеиндоевропейской идентичности, она открывает дополнительные возможности, и в первую очередь, в плане отождествления между собой названий отдельных скифских племен в данных Геродота, Диодора и Плиния.

Как известно по Геродоту, этносоциальное и территориальное разделение Скифии представляло собой сочетание этносов со специализированными видами деятельности на закрепленной за ними территории (Herod., IV, 5–6; 17–18; 46). Этот принцип «отец истории» воспроизвел в трех «измерениях» одновременно: собственно, в двух скифских и одном греческом. Согласно первому из них, все скифские племена, ведущие свою родословную от первоцарей – Липоксая, Арпоксая и младшего Колаксая, завоевавшего право быть старшим – являются «царскими», причем каждое из них носит свое собственное название: от Липоксая – *авхаты*, от Арпоксая – *катиары* и *траснии*, от Колаксая – *паралаты* (IV, 6). Переход верховной власти к Колаксаю, насколько можно понять Геродота, знаменовал собой возвышение возглавляемого узур-

патором племени над другими, после оседания в Северном Причерноморье и, естественно, как можно предполагать, имел своим следствием «сужение размеров» самого понятия «царские скифы», сохранивших прежнюю систему разделения на 3 gens (по Плинию – авхетов, атернеев и эсампатов, противопоставленных танаитам и инапеям, которых первые к тому же и уничтожили (Plin., VI, 22). Что касается второго принципа, то он достаточно хорошо известен и даже благодаря В. И. Абаеву существенно уточнен: мы имеем в виду расчленение Геродотом скифской этногеографии на 4 части после ухода на Восток отколовшихся от основного ядра скифов-апостантов – на пахарей, земледельцев, царских и кочевников (авхатов, паралатов, катиаров и траспиев). А. М. Хазанов уже обращал внимание на совпадение свидетельств всех трех античных авторов. Изучение этимологии, присутствующих в их трудах терминов и понятий, позволяет уяснить, в чем же по своему существу это совпадение имело место и почему.

В указанном отношении весьма показателен этноним Pala, засвидетельствованный Диодором и несущий в себе общеиндоевропейские корни. Исследования предпринятые в его отношении позволили установить, что он находит ближайшие аналогии в понятиях и терминологии санскрита и древнегреческого языка. В частности, Pala, восходящее к основе pa-l отложилось в терминах, присутствующих в тексте Ригведы (РВ IV 68) – skr. pala, pala-ka в значении «воин, колесничий» [15]. С древнегреческим его сближает форма pel/ple = pol/plo, в котором, помимо значений «черный» и «плыть», оно легло в основу понятий «город/государство» (pol-i-c = ptollis), реализовавшись в том числе и в значении pella (земля/небо) [16]. В форме pale-s, как понятие, тождественное имени древнейшей римской богини-покровительницы скотоводства и пастухов (Pales/Palilia), проявившись и в названии связанного с ней праздника (Palilia/Parilia), оно также легло в основу имени древнего сабинского города Palatium и названия царского дворца на нем – Palatinus (Serv., 1: Pales dea est rabuli; Verg., Georg., 3, 1) [17]. Иная трактовка предложена О.Н. Трубачевым. Как полагает ученый, прилагательное Paloi/Palaioi явно калькировало какое-то местное определение со значением «старый, древний» [18, 101].

Аналогичным образом дело обстоит и с этимологией этнонима Нара, в котором помимо производных от skr. narat, narpa (например, «двоюродный брат») значений отложилось находящее соответс-

твия в греческом и латинском языках понятие «сын, дочь» (nepos/napti; греч. nepios/nepti, anefios. См. РВ IV 35) [19]. Близкую точку зрения высказал по данному поводу и О. Н. Трубачев, по мнению которого этноним Narai этимологически родственен индоиранским обозначениям отпрыска, сына, внука (др.-инд., авест.- narat = др.- перс. nava, navada [20]. Что касается общеиндоевропейских корней термина Нара, то в указанном отношении специалистами достаточно давно установлено его соответствие религиозным представлениям носителей данной общности, в которых он связан с темой водного царства и с мифом о божестве *Nep(o)t (букв. «племянник», уравниваемый с «сыном»), варианты которого представлены в засвидетельствованных троичную структуру разделения мира мифологии древних индийцев (Aram Narat), иранцев (Aram Narat), греков (Poti-d(h)on/Poseidon) и римлян (Neptunus), в своих версиях сходящихся на «измерении» сущности последнего как владыки третьего, водного мира [21]. Небезынтересно, что тот же Плиний сохранил упоминание о сарматах-спалеях, обитавших в районе Танаиса, что в сопоставлении со свидетельствами Птолемея о бодинах, модоках (амадоках?) и сарматах-гиппофагах, гелонах, гиппоподах и меланхленах, проживавших выше поворота этой реки (Ptol., Geogr., III, 5, 21, 24; VIII, 34) и локализациями гор Амадока, Водин (Будин?) и Алан (Гелон?) на широте 55–62* сш и 51–55* вд позволяет, опираясь на археологические реалии, рассматривать пространственное положение земель, занимаемых перечисленными племенами, между верховьями Днепра и Средним Доном, в промежутке между которыми протекает р. Нара, с названием которой соприкасается корневая основа этнонима neuroi [22].

Сопоставление информации, выявленной из этимологии этнонимов Pala-Nara показывает на их связь со знаковыми представлениями о социально-профессиональном разделении бинарной системы скифских племен, вторгшихся в Северное Причерноморье, в общественном сознании которых была устойчивой идея о тернарности окружающего их мира, как показал Ж. Дюмезиль, свойственная индоевропейцам вообще [23]. Ретроспективный подход, опирающийся на социально-пространственное разделение Позднего царства скифов во II в. до н. э. и основывающийся на факте наличия четырех «столиц» (Неаполь – главный город, Палакий, Напеи и Хабеи – резиденции глав скифских «областей»), наводит на мысль о возможности ее развертывания в четырехчастную модель по мере

утверждения на новых землях, если конечно такая система не была представлена на микроуровне или если ее удвоение не носило циклического характера. Однако и в том и в другом случае напрашивается вывод, согласно которому социально-пространственное разделение и собственно скифов, и их далеких предшественников, и их соседей в Лесостепи соответствовало (и строилось, как свидетельствует этимология) *по хозяйственно-профессионально-родовому принципу*. Свидетельства такого порядка были свойственны эллинам, римлянам и многим другим народам эпохи древности, в социальной практике которых имел место синойклизм и включение в свою систему неродственных в родовом смысле кланов (Ион, Солон, Ромул). Последнее, как нам представляется, объясняет, почему культурные общности эпохи бронзы и скифского времени, соответствуя общераспространенным «мировым» тенденциям, представляли собой *кланово-племенные общности*, основу которых составляла клановая община, основными подразделениями которой выступали Совет глав кланов и геронтов, Союз мужей и Собрание глав большесемейных патриархальных общин и вооруженного демоса. При этом конкретные формы и содержание институтов политической системы вожеств такого типа определялось, с одной стороны, господствующим типом политогенеза и формами определяемой им власти, а с другой – степенью подвижности и рентабельности форм скотоводческого хозяйства, способность последнего к воспроизводству избыточного продукта и населения. Но при всех наличествующих различиях объединяющим признаком их являлись *однородность культуры населения, автаркия и автономия*, существовавшие одинаково и в условиях мономорфизма, и полиморфизма. Еще одним качеством политической системы в такого рода социально-политических образованиях, как показал Аристотель, является господствующий тип Власти – *гегемония* (tes kata polemon hegemonias kai ton Thysion (Arist., Pol., III, 9, 7. 1285b). Можно предположить, что подобно тому, как скифы в своих миграциях следовали по путям, уже проторенным их предшественниками эпохи бронзы, они в своей социально-политической организации, во всяком случае в VII–VI вв. до н. э., точно также придерживались хорошо апробированных в прошлом принципов.

Понятно, что появление скифов в Северном Причерноморье и их натиск на Лесостепь в значительной степени способствовали закреплению названных традиций «политического строительс-

тва» и у племенных вожеств Лесостепи, в том числе у меланхленов, невров, будинов и населения города Гелона. В пользу такого заключения свидетельствуют понятия, которыми Геродот оперирует в описании социально-политического устройства «своей» Скифии. Среди них 9 раз в значении «близкие родственники» упоминаются oikeios, oikeioi (III, 33, 65, 119; IV, 65, 104; V, 5, 41; VII, 39). «Дружба по мужскому союзу» несколько раз определяется им как goi filoi, а большесемейно-патриархальная община (goi aghotato prosekontes/ oi prosekontes pantes (IV, 26) отмечена «отцом истории» в связи с массагетами, которые по одной из версий вытеснили самих скифов с занимаемой ими прежде территории [13, 101–103]. Если представленные суждения верны, то процесс образования и развития вожеств скотоводов эпохи бронзы и скифского времени в Лесостепи с учетом основополагающей роли и значения «селений»-синойклизмов можно представить в виде схемы: *вождество– миграция– синойклизм– сложное вождество (государственность)*.

При этом периодичность и повторяемость в циклах, свойственных социально-политическим системам такого типа как на макро-, так и на микроуровне, была (при стабильности естественно-географических и политических условий) обеспечена прочностью самого родо-племенного строя. Во всяком случае традиция, начиная с Гекатея, предпочитает определять такого рода образования по имени господствующего клана или племени (например, амадоки и город Амадока его периегесы (см.: Hellenic., Fr. 170: St. Byz. s.v. amadaka), а также области, гор, города и одноименного озера Птолемея (III, 5, 5, 6, 10, 14), надо думать, что четырехчастная (тетрарная) система Скифии Геродота есть модель аналогичных социально-политических образований, в том числе и того союза племен (вождества), олицетворением которого выступало население междуречья верховьев Днепра, Северского Донца и Среднего Дона.

Что будины – этнос, для Геродота было ясным с самого начала изложения им событий скифской истории. На это в первую очередь указывает использование в их характеристике термина ethnos (Herodot., IV, 109). Несколько сложнее дело обстоит с определением статуса жителей города Гелона, которых «отец истории», насколько можно судить по словоупотреблению в его наррации, определяет и как социум, и как городскую общину, местом базирования которой является, как свидетельствует одно из значений слова poleis, «главный город»

в стране будинов (Herodot., IV, 108). Из 5 упоминаемых о последних античный историк 2 раза упоминает наличие у них царей, 1 раз намекает на их принадлежность к «исконным (т. е. первоначальным или самым первым) эллинам» и 2 раза отмечает роль, которую они сыграли в скифо-персидской войне. Относительно трактовки этимологии понятий «будины» и «гелоны» в специальной литературе к настоящему времени хотя и не сложилось единого мнения в отношении сути заключенных в них смыслов, тем не менее можно констатировать совпадение оценок, согласно которым и то и другое носит искусственный характер. В первую очередь, такой подход можно наблюдать в отношении этнонима «будины», который, опираясь на свидетельство Стефана Византийского (Steph. Byz., s.v. boudinoi), Б. Н. Граков, занимавшийся локализацией племен Лесостепи скифского времени, рассматривал, во-первых, как чуждый греческому языку, а во-вторых, как сложно составной из существительного *bous* (бык) и глагола *dineo* («кочевать, кружиться на телегах» [24]).

Небезынтересны и попытки, имевшие место в науке относительно интерпретации этнонима гелоны, которых только один автор – Псевдо-Аристотель – предпочитал считать скифами (Ps.-Arist., De Auscult. Mirab., 832b 30; Cp. Plin., Nat. Hist., VIII, 221; Ael., De Nat. An. XV, 26). Само происхождение слова и его греческая основа, казалось бы не вызывают сомнений: в переводе с древнегреческого *gelos* означает «болото» [25]. В частности, В. И. Абаевым было обращено внимание на возможность отображения в финно-угорских языках индоевропейских слов **gale* («куница, бобр, выдра», т. е. той разновидности млекопитающих животных, на которых, согласно Геродоту, охотились будины и слова **lake* («яма»), которое легло в основу этнического наименования спартанцев – *lakedemonioi* [26]. Специальное исследование, предпринятое автором данной статьи привело на основании сопоставления родословных мифологических персонажей Эллина и Гелона, имена которых восходят к разным корневым основам, к установлению факта происхождения соответствующего этнонима и названия города Гелон из круга представлений о Гелиосе и его потомках, сказания о которых восходили к древнейшим представлениям носителей индоевропейской общности, а впоследствии как воспоминание о противоборстве представителей «лунной» и «солнечной» династий соответствующим образом отложились в мифологии иранцев и древних греков [27]. К этому следует добавить, что

среди наблюдений, осуществленных специалистами в ходе исследования Пилосских табличек, было и то, которое имеет прямое отношение и к нашей теме: относительно болотистой местности в устье р. Ахелой, низменностей равнины Алфея и Мессении в табличках из дворца Нестора (равно как и в «Каталоге кораблей» Илиады) присутствует один и тот же термин – *gelos* [28, 31].

В отношении меланхленов теперь уже ни у кого из исследователей не вызывает сомнений установленное впервые В. И. Абаевым тождество греческого *melanhlenoi* (Hecat., Per., Fr. 185; Herodot., IV, 20, 107) скифскому (иранскому) этнониму *saudaratai* со значением «черноризцы» по В. В. Латышеву [29]. Единственное, что пока не нашло объяснения, заключается в невозможности найти ответ на вопрос: а какой из них, греческий или иранский, был первоначальным. Вопрос этот – отнюдь не праздный. Хорошо известно, что эллины установили свои связи с населением Лесостепи несколько раньше прихода скифов в Северное Причерноморье [30]. Несмотря на это, достигнутое его понимание в науке к настоящему времени позволяет определить степень скифоидности его носителей главным образом за счет памятников скифского времени в бассейне Северского Донца [31].

Относительно этнонима «невры» (*neuroi/nauroi*, *neuritai/neurotai*, *neuri/neurae* (Herodot., IV, 17; Scymn., Per. 104; Mel. Pomp. II, 17, 14; Plin., Nat. Hist., IV, 88)) дело обстоит несколько сложнее, причем не только в плане этимологии, но и с точки зрения этнической атрибуции, локализации его носителей, равно как и привязки к конкретной лесостепной культуре скифского времени [32, 67–89]. В указанной ситуации чрезвычайно возрастает значение смысла и содержания самого понятия, легшего, как следует думать, в основу данного этнонима. Что это могло иметь место, указывает П. Шантрэн, усматривающий в греч. *negis/neigion* отображение собирательного, сакрального имени племени сабинов [33, 530–531]. По мнению К. Ваничека, и других, более современных, этимологов слово *neuroi* восходит к индо-европейской основе *para-ner/no* (лат. *ferula*) и в первом случае выступает синонимом существительного «люди-мужи», а во втором, как показали исследования Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, имеет отношение к индоевропейской мифологии, и в частности, к фигуре матери-земли и воплощенному в ней плодотворящему началу вообще. Более того индоевропейский корень *Ner/Nor*, по мнению последних, во всяком случае в древнеиндийской, тохарс-

кой и греческой мифологии являлся основой обозначения нижнего мира и его плодоносящих свойств, а также в форме *para*ка олицетворял собой представление о подземном царстве и входе на небо, о воде и ее обитателях (например, древнеиндийское *para*s, древнегреческого *perites* (в последнем случае см. Arist., Hist. Anim., 530a) [34]. В указанном отношении, надо думать, весьма примечательна проявившая себя в обряде ликантропии и отложившаяся в этнониме невра, связь данной корневой основы с другим мифологическим символом нижнего мира индоевропейцев – с волком, открывающая определенные возможности для понимания, с одной стороны, «причину» переселения невра в землю будинов, а с другой – трактовки их обращения раз в несколько лет в волков, упоминания о чем содержатся в скифском рассказе «отца истории» (Herod., IV, 17; 107) [35].

Эта последняя сторона понимания содержания этнонима невра достаточно хорошо разработана в трудах М. Элиаде, Вяч. Вс. Иванова и А. И. Иванчика [36]. Все они в согласии друг с другом отмечают центральное место волка в мифологических представлениях многих народов и его связь с этнонимией огромного множества народов эпохи древности [37, 104–105].

Наиболее ярко, по их мнению, она была выражена в представлениях о родоначальниках племени и в культе бога войны (и боевых дружин). В первом случае это проявлялось в так называемом получении тем или иным этносом имени от бога или мифологического предка, персонифицируемого с волком. Во втором – в представлении об олицетворяемом им тотеме, объясняющем возникновение названия племени от группы людей, составлявших воинское братство (мужской союз, *sovitia*), в практике существования которого ритуальное подражание волку и соответствующие ритуалы через так называемую ликантропию имели своей целью сплочение такого содружества на идеологической основе кровного родства с этим хищником и связью с первопредками. Специфическим проявлением такого рода представлений, не изменявших их сути, выступала замена центральной фигуры мифа собакой [37, 106–107].

Анализ свидетельств относительно форм этнонимизации образа волка у иранцев и греков показывает, что этноним *neuroi* выпадает из этого правила, несмотря на то, что Геродотом у них зафиксировано существование свойственного воинским сообществам и обряду инициации юношей (как в Спарте) ритуала ликантропии (т. е. превра-

щения в волка через одевание его шкуры (Herodot., IV, 17). Констатация данного противоречия вполне вписывается в трактовку представлений об этом племени как о том, носители которого не имели никакого отношения к культурной и этно-лингвистической общности древних иранцев [38]. Вместе с тем отдельные, олицетворяющие сакральную связь с землей, водой и родством (например, **Trita/Traetaona* («третий, младший») значения самого слова, лежащего в основе их этнонима, как нам представляются, отображают место невра в вождестве будинов после своего к ним переселения [39].

По всей видимости, на это указывает этнографическая парентеза Геродота, согласно которой невра, андрофаги, меланхлены упоминаются в одной «обойме» с будинами (Herodot., IV, 102, 105–109, 119). В данной связи весьма показательно, что и в свидетельстве Плиния также идет последовательное, практически совпадающее с описанием «отца истории», но с некоторыми отклонениями к северу и перестановкой на место андрофагов *фиссагетов*, последовательное перечисление невра, гелонов, *фиссагетов* и будинов в направлении с запада на восток. Точно также поступает поздний автор Гай Юлий Солин, локализирующий, как и его предшественники, невра в верховьях Борисфена и называющий их ближайшими соседями гелонов [40]. Указанная перестановка, равно как и то, что цари невра, андрофагов и меланхленов дали отрицательный ответ скифским послам на предложение заключить союз для отпора вторгшимся персам впрочем не должна смущать: и лингвистические, и археологические данные, по мнению специалистов, рисуют картину культурной общности не только между населением Левобережной лесостепи и племенами Среднего Дона в скифское время, на что одним из первых обратил внимание Б. А. Шрамко, но и, как доказала В. А. Ильинская, указывают на прямую этническую связь, если не на единство, между андрофагами и меланхленами [41]. Последнее, как нам представляется, со всей очевидностью следует и из сообщения Геродота, указавшего, что *ta katyperte es ten mesogaian feronta apokleietai ge Skythike gupo proton Agatyrson, meta de Neuron, epeitai de Androfagon, teleutaion de Melanhlaion*, если допустить, что *gupo* означает «под, ниже», *meta* = *meso* имеет смысл «между», *epeita* от *epeho* – «иметь против себя», а *teleutaion* = *teleo/teleutao* означает «оканчивать путь», или в форме прилагательного *teleutaios* – «конечный, последний, крайний», то мысль античного историка о *meta de Neuron, epeita de Androfagon, teleutaion de*

Melanhlainoi можно рассматривать не только в качестве подтверждения наблюдений В. А. Ильинской, но и в качестве расширяющей наши представления о родстве неуров, андрофагов и меланхленов, присутствующих в изложении «отца истории» в перечислении племен от верховьев Борисфена в направлении Танаиса. С учетом данного обстоятельства, а именно объединив тождества меланхленов и андрофагов и меланхленов и неуров, а всех их вместе взятых с будинами и жителями г. Гелон (гелонами), мы получаем картину четырехчастного этно-территориального обустройства страны, населенной неврами (переселившимися к будинам), меланхленами-андрофагами, будинами и гелонами. Знакомство с текстами IV, 17 (touton de katyperte oikeousi Neuroi de to pros Boreen anemone cremos antropon...) и IV, 22 (Thyssagetai, ethnos pollon kai idion), помимо этого наводит на мысль и о «родственности» этого «большого и сильного» (от polus, polle, polu) племени конгломерату этносов, обитавших по северной границе Степной Скифии.

Относительно возможности такого рода этногеографии нескифских племен лесостепного междуречья Днепра и Дона можно опереться, как минимум, на два результата исследований проблемы, имевших место в прошлом. Первый из них связан с концепцией этногеографии лесостепных племен, предложенных в 70-е гг. прошлого века М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым. Независимо друг от друга, исходя из различного понимания данных археологии и свидетельств Геродота, опираясь на несходные принципы трактовки и интерпретации последних, они, тем не менее, полагали возможным рассматривать «Будинию» как огромное этно-территориальное образование, размеры которого, по их мнению, не уступали величине самой степной Скифии [42]. Сравнительно недавно Д. С. Раевский высказал убеждение, согласно которому этногеография Скифии Геродота, в том числе и картина расселения племен ее периферии, опирается на отраженные в скифском эпосе структурные элементы мифологической модели мироустройства, развивавшейся в общественном сознании ее кочевнического населения [43, 231]. Примечательной особенностью указанного миропонимания, по мнению исследователя, выступает восходящее ко времени индо-иранской общности представление о мире как состоящем из пяти элементов (так называемая пентада), последний из которых выполняет функцию центральной оси, соединяющей их воедино. Если исходить из подобия этно-территориального обустройства неуров, андрофагов, ме-

ланхленов, фиссагетов, будинов и жителей Гелона – гелонов, миропониманию скифов и их далеких предшественников (т. е. системе 4+1), то последних можно рассматривать как носителей идеи центральной оси, что вполне соответствует заключениям Д. С. Раевского [43, 231, прим. 8]. В пользу этого свидетельствуют и данные археологии, показывающие, что материальная культура населения лесостепи, представленная памятниками Ворсклинской, Сейминской, Северскодонецкой, Посульской и Среднедонской археологических культур содержит много общего (при многообразии специфики – авт.) в экономике, характере поселений, системе оборонительных сооружений, домостроительстве и в религиозных представлениях [44]. Показательно, что археологически зафиксировано переселение именно в V в. до н. э. в междуречье Десны и Сейма носителей Юхновской культуры, которые сдвинулись впоследствии еще северо-восточнее, создав основы для складывания Дьяковской культуры [45, 182–183].

В логику такого представления, по нашему мнению, должны вполне вписаться и наблюдения, выведенные специалистами из изучения этимологии этнонима «фиссагеты».

Одним из первых важность ее для производства этнической классификации племен Скифии осознал Г. Роулинсон, высказавший предположение, что вторая его часть – Getae, соединенная с древнеиндийским Jats или этниконом готов (Goths) Европы указывает на принадлежность носителей такого определителя к арийской общности, а вторая – Thissa – содержит определения типа «маленький» или «меньший», в доказательство чего он ссылаясь на этноним Massa-getae, в первой части которого, по его мнению, отложилось прилагательное «великий, большой», находящее соответствия в аккадском, древнеперсидском, древнееврейском и арабском языках [46]. Наука последующего времени отказалась от такого рода наивных и прямолинейных, основанных на формальном сходстве, суждений. В частности, К. Латтте, изучив словупотребление etai/etes в поэмах Гомера (например, Ном., II, IX, 464–469) вывел заключение, согласно которому с довольно раннего времени этим словом обозначалось понятие родственников и членов рода вообще, а в переносном смысле оно выступало в значении «соотечественник». Допускал исследователь и возможность отображения в данной лексеме понятия группы взаимобрачующихся родов, входящих в состав фратрии [47]. Интересно отметить, что несколько ранее диаметрально противополож-

ный взгляд был обоснован Г. Глотцем, настаивавшем на том, что *etai* не означает ни родственников, ни свойственников, но предполагает широкую, типа рода и фратрии, социальную группу [48]. С таким подходом солидаризировался П. Шантрэн, указав что *etai* и *etera/etairos* – однопорядковые понятия [49]. В отечественном антиковедении данной проблемой занимался Ю. В. Андреев, показавший на основе словоупотреблений в гомеровских поэмах, что *etai* и *etairoi* выражают два различных понятия, причем *etai* в поэмах встречается в связи с обозначением различного вида родственных связей, тогда как *etairoi* выступает как полисемантическое понятие, обозначающее и мужской союз, и возрастной класс, и дружину как эпизодическое объединение воинов во время похода, и группу близких друзей, нахлебников и слуг предводителя в составе дружины. [50, 94] Вместе с тем, не вызывающая сомнений двучастность этнонима *Thyssa-getai* (или *Thys-sag-etai*), особенно во второй своей части, не только не находит соответствия в указанных рассуждениях, но, напротив, провоцирует его сопоставление с этнонимом *Getai*, также упоминаемом Геродотом в области Истра, от левобережья которого он развертывал свой рассказ о Скифии (IV, 93). Геты – фракийское племя, менявшее свое местоположение, но в строго ограниченном районе низовьев Дуная. Не означает ли это, что и «геты-фиссы» имеют отношение к фракийской этно-лингвистической общности, часть которой, как и праэллины, осталась на территории прародины, тогда как остальные ее носители мигрировали в направлении Балкан, в пользу чего свидетельствует название полуострова *Thyssa*, расположенного в Халкидике? Или корни данного этнонима следует видеть в древнегреческом *Thysis/thysia*, раскрывающих характер совершения жертвоприношений, а в переносном смысле выступающих эквивалентом самого понятия «жертва»?

Как бы то ни было, но присутствие фиссагетов в одной обойме племен за (дословно «под») агафирсами не может не указывать на какого-то типа мегакультурную общность, существовавшую во времена Геродота и, по всей видимости, осознававшую свое, возможно, социально-политическое (хотя и непрочное, как показывает пример невра, андрофагов и меланхленов в отношении отпора Дарию I) единство. Подтверждения этому можно обнаружить как в тексте самого Скифского логоса, так и в данных, происходящих из итогового осмысления археологических культур Лесостепи скифского времени. И хотя последние, как и положено

сложным проблемам, продолжают оставаться предметом научных дискуссий, интересующие нас факты в них по существу лежат «на поверхности». В частности, в том, что касается Подонья, то в этом регионе (включая степь, лесостепь и лесную зону) исследователи пришли к констатации наличия трех различающихся между собой культур скифского времени – савроматской, среднедонской и городецкой [51, 66]. Более того, в отношении последовательности пространственного расположения последних в меридиональном плане отмечается их точное соответствие трем упомянутым Геродотом этносам – савроматам, будинам и фиссагетам, первые из которых локализируются на Нижнем Дону, а два других – в среднем и верхнем течении Дона [51, 66]. К этому следует добавить и наблюдение относительно общего направления широтного движения на восток носителей скифоидных культур днепровской левобережной лесостепи (Среднего Днепра и его верховий), находящее материальное подтверждение в среднедонской лесостепи и в верховьях Дона [51, 109].

В обоснование права на существование предложенной нами гипотезы относительно «родства» невра-будинов-меланхленов-андрофагов-будинов (и гелонов) особое значение приобретает анализ частоты совместного упоминания перечисленных этносов друг с другом в тексте скифского логоса. Подсчеты показывают: меланхлены с будинами – 3 раза, невра с будинами – 4 раза, будины с меланхленами и неврами – 6 раз, наконец, гелоны с будинами и всеми остальными 5 раз (о меланхленах см. Геродот: IV, 20, 100, 102, 107, 119, 125; о неврах – IV, 17, 51, 100, 102, 105, 119, 123; о будинах – IV, 21, 22, 102, 105, 108, 109, 119, 120, 122, 123, 136; о гелонах и г. Гелоне- IV, 102, 108, 109, 120, 136.)

Защищаемое предположение можно подкрепить ссылками как на понятийный аппарат наррации Геродота, в которой с будинами, меланхленами, андрофагами и неврами историком совмещен согласующийся с определением их «отцом истории» как этноса, термин *hoga* – определитель свойств и типа населяемой ими территории (IV, 105, 122–123), так и на археологическую карту лесостепного междуречья Днепра и Дона, составной частью которой является междуречье Северского Донца и Дона [53, 67].

В доказательство можно сослаться на данные археологии и исторической географии рек донского бассейна, нашедшей отражение в Скифском логосе Геродота. Что реки Скифии в труде эллин-

ского историка выполняли функцию системы координат, было установлено, по меньшей мере со времени Б. Нибура и уже упоминавшегося выше Г. Роулинсона, посвятивших этому вопросу специальный комментарий [54]. Аналогичную роль в его рассказе о землях к северо-востоку от нее, надо думать, играли перечисленные им реки Лик, Оар, Танаис и Сиргис (Гиргис), истоки которых берут начало в земле фиссагетов, отстоящей на 7 дней пути от территории, занимаемой будинами (Herodot., IV, 123), а русла (или нижние течения перечисленных рек), протекая через область меотов, впадают в озеро Меотиду. К настоящему времени, пожалуй, только локализация р. Сиргис (Гиргис) не вызывает ни у кого сомнений: это р. Чир, действительно впадающая в Азовское море и протекающая по территории в пограничной зоне, занимаемой в древности племенами меотов и синдов, олицетворявших собой, как установлено О. Н. Трубачевым остатки индо-арийского этнолингвистического субстрата, носители которого проживали в указанное время в Приазовье и Северном Причерноморье [55]. Что касается р. Танаис, то как отмечалось неоднократно, в том числе и нами, а в последнее время новейшее обоснование тождества Дона с Танаисом Геродота предложено Е. Г. Рабиновичем, то под названием и местоположением этой реки «отец истории» действительно подразумевал Дон, разделявший в его географических представлениях Европу и Азию [56, 69]. Гораздо сложнее дело обстоит с реками Лик и Сиргис, последнюю из которых отождествляют обычно либо с Северским, либо с Мертвым Донцом, либо с р. Миус, а первую с р. Обиточной или Кильтячьей [57]. Еще более сложна трактовка местоположения р. Оар, относительно которого в историографии сложился впечатляющий разброс мнений: от отождествления с Волгой и Днепром, до р. Корсак и Лозоватки [57]. Такая ситуация вполне объяснима как акцентацией внимания на труде Птолемея, свидетельства которого подправлялись из других источников, так и той чересполосицей разновременных данных, которая нашла отражение в античной письменной традиции после труда Эратосфена и деформацией практики северной ориентации античных географических карт. Между тем, принимая во внимание это последнее обстоятельство, трудно избавиться от впечатления, что перечисление указанных рек «отцом истории» следует строгому правилу, ведется в направлении с севера на юг, как бы очерчивая конечный пункт и фазу агрессии персов против скифов и их союз-

ников и прямо указывая на знание античным историком как верховьев, так и низовьев тех рек, которые так или иначе протекали через землю меотов. Более того, более поздние источники помогают увидеть самые разные этнические подвижки населения, происшедшие в пред- и сарматскую эпоху (например, в Периплах Скилака Кариандского и Анонима (II в.). В частности, согласно данным этих источников, в которых обитатели междуречья Северского Донца и Дона (в первом случае меланхлены и гелоны, во втором – гелоны, савроматы и агафирсы) названы в числе племен, переселившихся в Азию. Противоположное направление миграции (к северу от р. Истра), более всего соответствующее итогам скифо-персидской войны, предложили Вибий Секвестр и схолиаст античных рукописей Евстафий (XII в.) [58]. Примечательно, что и в тех, и в других можно заметить некоторую общность в названиях местностей, рек и речушек Лесостепи, степного Приазовья и Северного Причерноморья (в частности, невры-Наварис, ахейцы – р. Ахея или пос. Аттикит, Авхеты (авхаты) – Авхида и т.п.). Самым интересным с данной точки зрения выступает тождество в названиях рек Хопер и Хапры, Елань и Еланчик, отражающих, как надо думать, известные этнокультурные связи между пограничными районами, уходящие в глубокое прошлое, если не к началу раннего бронзового века в степи и лесостепи Восточной Европы [59]. Того же порядка аналогии, как следует думать, можно провести между этнонимом *neuroi* и зафиксированным Птолемеем и Плинием названием города *Nauaron/Navarum*, восходящего, как считает О. Н. Трубачев, к индоарийской основе **nauar/pau(b)aris* в значении «новый город», локализуемый как в европейской Сарматии, так и в Крыму (*Nauaris/Neapolis*) [18, 50].

Приведенных аргументов, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы, оттолкнувшись от верховьев Борисфена-Днепра, к бассейну которого близко расположена одноименная с названием неуров р. Нара, видеть в ней р. Лик, в р. Оар – Воронеж, в р. Танаис – Дон, и в р. Сиргис – Северский Донец (или р. Чир). Не исключена и иная трактовка: р. Лик – Хопер, р. Оар – Савала (древнегреческое *Silis*) или Битюг, Танаис – Дон, а Сиргис – Медведица, тогда как Гиргис (на что указывают одноименные топонимы) – с Северским (или Мертвым) Донцом [60]. В последнем случае важно, что диатеза неуров-меланхленов, андрофагов, будинов и жителей г. Гелон (гелонов), фиссагетов, отмеченная родством материальной культуры носителей ски-

фоидных культур, вполне вписывается в параметры географии и гидронимии лесостепного и степного Подонья.

Таким образом, пространственно-территориальная картина расселения племен Лесостепи, как нам представляется, вполне соответствует той системе, которой придерживались скифы, а до них – ведические арии и племена Иранского нагорья до Ахеменидов. Думается, что ей должна соответствовать и вертикальная, этно-социальная структура общества лесостепных племен изучаемого региона, поскольку нет оснований для суждения о каких-то иных источниках и тенденциях ее возникновения и развития.

В указанном отношении весьма показательными выступают исторические, общеиндоевропейского порядка, параллели, позволяющие составить представление о том, как протекал процесс социального обустройства и на периферии Скифии. Основанием для такого подхода выступает давно установленное в науке и постоянно развиваемое в ней, представление о типологическом родстве начал социальной классификации у племен индоевропейской общности, которая складывается в процессе их исторического развития на основе бинарной оппозиции представленных в них социальных групп с тенденцией удвоения последней. Поэтому обращение к соответствующим фактам с точки зрения ретроспекции и с учетом сочетаемости подвижного и оседлого образа жизни племен лесостепной скифской периферии, представляется вполне логичным и правоммерным.

В решении поставленной задачи самыми близкими аналогами являются социальные системы архаического Рима, гомеровской Греции, а также скифов как ближайших соседей невров, андрофагов, меланхленов, будинов и жителей г. Гелон (гелонов), представленные как тернарными (Рим Ромула, дорийцы), так и тетрарными (ахейцы/ионийцы, скифы) социальными моделями.

В первую очередь обращает на себя внимание отмеченное Дионисием Галикарнасским, наличие в социальной системе Рима VIII в. до н. э. *genos-potina*, представлявших собой поколения больше-семейных патриархальных общин (Dion. Hal., I, 40; III, 13, 29; V, 18) В традиции о роде имеются и более поздние сведения, раскрывающие системность его структуры. В частности, такой характер носит информация, которую можно почерпнуть из труда Исидора Испальского, на значение которой в свое время обратила внимание И. Л. Маяк, и согласно которой существует три типа сообществ:

семейные, городские и родовые (Gisp. Is. Etym., XV, 2) [61, 121]. Важность данного свидетельства заключается в том, что оно позволяет вскрыть сущностный смысл термина *poleis*, которым Геродот характеризует деревянный город Гелон в стране будинов: по всей видимости для «отца истории» это был не просто город, но *городская община* гелонов – потомков «исконных эллинов». Если такая интерпретация верна, то можно предположить, что в социально-политической системе представленного, скорее всего, союзом невров, андрофагов, меланхленов, фиссагетов, возглавляемого будинами, вождества она представляла собой или общину членов царского рода, или сообщество аристократических родов племени будинов. Что касается структуры такого рода общины, то надо думать, что в ней, как и у скифов, греков и римлян, господствовал псевдородственный принцип, поскольку в архаических обществах все социальные и иные связи (в том числе и на раннегосударственном этапе) строились по родовому признаку [13, 105]. В пользу этого свидетельствует однотипное для всех индоевропейцев возведение всех гелонов к первоначальному Гелону, а также термин *ethnos*, сопровождающий название «большого и сильного» племени будинов, который, как подметил А. М. Хазанов, у Геродота употребляется и в значении «племенной союз» [62]. Более того, как свидетельствует упоминание Птолемеем города *Nauron/Navaris* и открытые раскопками большие городища на отдельных племенных территориях (Басовское, Бельское и др.) данная система носила у лесостепных племен скифского времени общераспространенный характер. Скорее всего, такие патриархальные кровно-родственные общины были основаны на общеродовой и кланово-семейной собственности на скот, пастбища, коллективный труд, распределение и потребление, поскольку само появление такого рода образований явилось результатом усложнения общественной системы, на что в свое время обратил внимание Эд. Мейер, рассматривавший появление *gentes* и *familia* у римлян как результат перехода к оседлости и распада примарной организации-орды [60, 91]. Последняя, по мнению Ф. де Мартино, выдвинувшего одним из первых концепцию «этнического государства», предвосхищавшую «теорию вождества» Скалника-Саллинза, выступала носителем государственных порядков [63]. В таком «государстве», как замечено, патриархально-родовая (основанная на кровном родстве), община сосуществует с родами и с большесемейно-патриархальными (или кланово-семейными) об-

щинами (*familia*), имея тенденцию определения численности *patres* и количества мужских союзов, имевших, как правило, гетерогенный и этнический характер и через синойкизм способствовавших удвоению населения и, как показывает пример Рима времени Ромула, росту численности членов «общесоюзного» Совета. Примечательно, что рассмотренные тенденции формирования социально-политической организации связываются итальянским ученым с древнейшим типом социально-политической организации Рима – *basileia = regnum* [64]. Аналогичный ее тип был присущ в далеко уходящие от времени Аристотеля «архаические времена» и Афинам: *Athenaioi to men... arhes ehoronto basileia* (Arist., *Pol.*, V, 3,1 (1303b 17-20); III, 9,5 (1285a 31–33)). Нельзя не упомянуть и о принципах разделения внутренней структуры таких племенных объединений, которые, по наблюдениям специалистов, исходили из этно-лингвистических, профессиональных и цветовых признаков. Все это указывает на возможное тождество социальной и политической (пространственно-территориальной и этно-социальной) систем племен будинского союза (вождества) как со структурой Скифского царства, так и со стадияльно близкими им примарными прото-и предгосударственными организациями Старого Света вообще [65]. К сожалению, текст наррации Геродота о будинах и жителях города Гелон не содержит никакой прямой информации по данному вопросу. И тем не менее, анализ немногочисленных косвенных свидетельств приводит нас к заключению о сходстве принципов этногеографического и исторического описания «отцом истории» и Скифии, и северо-восточных соседей последних – будинов и г. Гелона, что, с одной стороны, позволяет выделить своеобразный «минитетрагон» в скифском «макротетрагоне», а с другой (и с учетом последнего) – полагать о близости, если не об идентичности, самих основ и принципов социально-политического устройства у всех племен Старого Света с более или менее выраженным скотоводческим ХКТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. *Медведев А.П.* Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005.
2. См., например: Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. М., 1989. С. 423–442; *Пузикова А. И.* Курганные могильники Среднего Подонья. М., 2001 (библиография); *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. Спб., 1992; *Он же.* Хронография Европейской Скифии. Спб., 2003; *Гавриши П.Я.* Племена скифського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалам Приписілля). Полтава, 2000; *Скорый А. А.* Скифы в Днепроградской Правобережной лесостепи. Киев, 2003 и др.
3. *Доватур А. И.*, *Каллистов Д.П.*, *Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л., 1982; *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974; *Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966; *Граков Б. Н.*, *Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971; *Ильинская В. А.*, *Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983; *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979; *Щрамко Б. А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. М., 1977 (МИА № 177). С. 92–102; *Петренко В. Г.* Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–81; *Алексеев А.Ю.* Скифская хроника. Спб., 1992. С. 92–112.
4. *Щрамко И. Б.* Ранній період в історії геродотівського Гелону (За матеріалами розкопок зольника № 5) // Білюкє городище та його округ (До 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006. С. 42.
5. *Щеглов Д. А.* Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древние государства Восточной Европы. Материалы и исследования. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.
6. Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН; отв. ред. канд. ист. наук Крадин, канд. ист. наук, доц. В.А. Лынша. Владивосток, 1995; Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина. М., 2000.
7. *Блаватская Т. В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). Спб., 2003.
8. *Писаревский Н. П.* О государственности ранних скотоводческих племен степи и лесостепи Евразии // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. Вып. 1. Воронеж, 2000.
9. По мнению В. Н. Топорова, они отражают сферу мифопоэтических представлений о космосе и человеке как его части, изоморфной и соприродной ему. Более того, числа 3 и 4 отражают, как полагает ученый, врожденный характер трех- и четырехчленных структур в мифопоэтическом сознании, в котором идея числа 3 выступает, с одной стороны, идеальной моделью любого динамического процесса, а с другой – олицетворяет собой идею динамической целостности, предполагающих вместе возникновение, развитие, упадок и реализацию в представлении о вертикальной структуре Вселенной. Число 4, как считает исследователь, прообразует статическую целостность, крепость, идеальную устойчивую структуру, полнее всего реализующуюся

в горизонтальном плане Вселенной. Именно с данной особенностью числа 4 связано его использование в мифах о сотворении Вселенной, о ее горизонтальной структуре, о правилах ориентации в ней, наконец, в объяснении закономерности, представленной 4 сторонами света, 4 направлениями, четверкой богов, 4 временами года, 4 веками, 4 основными элементами и т. д. Трехчленная вертикальная ось – то направление, по которому в мир входит случайность, неожиданное – как доброе, так и злое. Вместе с тем горизонтальная структура всегда взаимосвязана с вертикальной: она выступает в качестве ритуального пространства, в котором сам ритуал рассматривается как средство связи людей (земля) с богами (небо), и следовательно, актуализирует вертикальную ось. См.: Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. I. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005. С. 302–303, 306.

10. В справедливости указанного тезиса убеждает сходство принципов социальной и политической организации Древней Индии, эллинов времени Иона, Афин во времена синоикизма Тесея и реформ Солона, Древнего Рима времени Ромула и законов XII таблиц, наконец Скифии Геродота и Позднескифского царства (Неаполь, Хабеи, Палакий и Напит как отражение существующего разделения).

11. Установлены в специальной литературе и исторические, и определяющие тенденции генезиса дихотомических членений в дуальных системах, имеющих своим следствием образование тернарных и еще более сложных структур. Особенно наглядно, как полагает Вяч. Вс. Иванов, этот процесс представлен в мифах и ритуалах обществ с дуальной организацией, в которых, начиная с публикации труда А. М. Золотарева, принято считать жесткую обусловленность двух рядов полярных символов и основных правил формирования социальной организации. См.: Золотарев А. М. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (Рукопись 1941 г.) – цит. по Иванов Вяч. Вс. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972. С. 206, 218. Считается, что мифологические и ритуальные системы двоичных символов, соотношенные с дуальной организацией коллектива, проявляются в характерном наличии в нем двух вождей (священных царей), соотношенных в свою очередь с двумя дуальными экзогамными половинами племени, каждая из которых образует хозяйственное и территориальное единство. Такого же порядка оппозиции характерны и для символического восприятия или передачи информации о социальной ранговости через цветовые определения социальной ранговости общества или его пространственное четырехчастное разделение, которое, как правило, отражено в архитектуре (там же. С. 225, 228, 231–232).

12. По мнению Д. А. Щеглова, наибольшее удивление вызывает то, что именно в описании Скифии античная и эллинистическая традиции проявляли традиционность и близкое сходство данных, опирающихся на

безнадёжно устаревшие сведения VII–V вв. до н. э. В связи с этим он выделяет 3 варианта скифской этногеографии: вариант Аристеев-Гелланика, вариант Геродота и карту Сарматии Птолемея, которая опиралась, в свою очередь, на вариант Гелланика. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии. С. 282, 291.

13. Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975.

14. Петров В. И. Скифи. Мова и етнос. Київ, 1965; Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

15. Vanicek F. Griechisch-Lateinisches etymologisches wörterbuch. Bd.1. Leipzig, 1877. S. 449. Представляет интерес и то, что среди производных от Pala словосочетаний, в частности, засвидетельствованных Ригведой (palayati/palayate)? присутствует одно из понятий «царского оружия» (palayan sakara – «главная, большая, царская колесница»/

16. Ibid. S.525, 499,501.

17. Ibid. S.450.

18. Трубачев О. Н. Indoarica.

19. Vanicek F. Op. Cit. S.428.

20. Трубачев О. Н. Indoarica. С. 101. В связи с этим исследователь полагает возможным трактовать palai и parai как обозначение «старых скифов» и «молодых скифов», строя на этом основании вывод о соответствии Palai понятию arhaie Scythie у Геродота.(IV,99).

21. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология / Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 531; В 70-х гг. прошлого века П. Шантрань, опираясь на свидетельства Гомера и Гезихия (II, VII, 858; XVI, 300; Hesyh., s.v. nape/naros, paraaios, paru/paruos) предложил несколько трактовок глоссы para: расселина, лощина; холмистая и лесистая долина; луг/поле; юноша. См.: Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la Langue Greque. T. 2. Paris, 1970. P. 735.

22. Даже в эпоху эллинизма, как показывают результаты исследований в области географических представлений у авторов этого времени, наблюдаются элементы традиционности и близкого сходства относительно этногеографии Скифии. Более того, как отмечает Д. А. Щеглов, наибольшее удивление представляет то, что в данном аспекте их работы, игнорируя новейшие данные, опираются на сведения VII–V вв. до н. э. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии // Древнейшие государства Восточной Европы 2003: мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 282.

23. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1989.

24. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 163. Не исключено, что название «будины», как показывают результаты достигнутые в изучении индо-арийской этнонимии Северного Причерноморья О. Н. Трубачевым, могут иметь основу bhuta-natha/*buta-nata – «повелители ду-

хов». См.: *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 232. Еще более вероятная трактовка может быть выведена из имени ведийского «Змея глубин» – Ahi Budhnya, первая часть имени которого (ahi) исходит к индоевропейскому названию змеи, находящем множество тождественных параллелей, в том числе и в языке древних греков (ofis, ekis), а вторая (budhnya) – представляет собой прилагательное, производное от budhnya (дно, основание, глубина), находящее параллель в древнегреческом Rhythmen (тождество budhna- = ruyhmen) со значением «ствол, род». Самое же показательное, с точки зрения анализируемого вопроса, заключается в том, что обе эти основы выступают в качестве формообразующих относительно имен, с одной стороны, ведийского божества, рожденного и проживающего в глубинах рек, а с другой – в имени древнегреческого Пифона, разные версии мифа о его поражении стрелами Аполлона находят соответствие в гимнах «Ригведы» (в связи с ahi- Vritra, который, как говорится в тексте, budhnam asayat (PB. I, 132). Интерес представляет и тождество имени ведийского божества древнеиндийского bodam и немецкого Voden, а также имени героя русских сказок *Будыне (от *bud-un-) / Дубыне по своей дублетности воспроизводящих дублетность индо-арийских понятий *budhn-: *dubhn. Все это, по мнению В. Н. Топорова, позволяет говорить об индоевропейских истоках представлений о «Змее глубин». См.: *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М., 2005. С. 203–205, 222–224. Интерес представляет и словообразовательная схема, иллюстрирующая переход от значений «мужчина», «человек» (с сопутствующим семантическим компонентом «ярость», «гнев») к значению «бык», выявленная при изучении семантики ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции поэтического языка индоевропейцев. В семантическом аспекте Б. Л. Огибениным было выявлено некоторое число морфем, образующих формальное (метатическое) или фонетическое сходство с индоевропейскими основами. Так, в последнем случае тип *pu- или *po- (человек) может быть сопоставлено с *bhu- или *bho-, причем значение первых двух элементов выявляется автором на основании сопоставления с греческим antro-pos (человек), греческим атт. диалекте – pais (дитя, мальчик), а также со ср. греческим po-los (с элементом *po (u) – «жеребенок, юноша»). Более того, как полагает исследователь, в связи с тем, что они появляются только в сочетании с корневой морфемой ugs-, то из этого можно вывести заключение об их большей близости к значению «бык» (vrsabha/ursn-bho-). См.: *Огибенин Б. Л.* Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции индоевропейского поэтического языка // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 317.

25. *Козаржевский А. Ч.* Учебник древнегреческого языка. М., 1975. С. 333. Поскольку применительно к определениям варваров, присутствующим в языке гре-

ков, ничего исключать нельзя, целесообразно не упускать из вида и значение go gelos (смех).

26. Благодаря этимологическим словарям, представляется возможным и иное толкование происхождения данного слова. В частности, в праславянском лексическом фонде присутствуют и восходящее к индоевропейскому *geul/*geu-l (вар. *gu-l, и к древнеиндийскому Gola (шар, ком), и к древнегреческому gualon (углубление, выпуклость), существительное *gula- (чурка, полено, шишка (в т. ч. и хвойного дерева), а также прилагательное *golvenъ, находящее соответствие в старославянском. Главан со значением «главный, основной». И то, и другое так или иначе вполне вписываются в характеристики, данные Геродотом будинам и обитателям Гелона. См.: *Куркина Л. В.* К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -и // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 67–68; *Этимологический словарь русского языка. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1980. С. 13–14, 168–169. Ср.: Vanicek A. griechisch-Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Erster band. Leipzig, 1877. S. 228–229, 233, 259–260.*

27. *Писаревский Н. П.* О локализации Гелона (К интерпретации Herodot., IV, 24, 108–109) // *Вестник Воронежского университета. 2006. Гуманит. серия. Вып. 2. С. 80–82.*

28. *Фор П.* Жизнь Греции во времена Троянской войны. М., 2004. С. 37.

29. *Hermann A. Melanchlainoi // PWRE. Bd. 29. S. 420; Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // *Основы иранского языкознания (древнеиранские языки). М., 1979. С. 305.; Латышев В. В.* Известия древнегреческих и римских авторов о Северном Причерноморье // *ВДИ. 1947. № 2.*

30. *Кузнецов В. А.* Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // *Археология России. 2006. С. 154–155.* Как отмечалось выше, теперь это подтверждается и новыми датировками культурных слоев лесостепных городищ скифского времени. См.: *Шрамко И. Б.* Ранний период в історії. С. 33–56; *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.

31. Правда, П. Шантрэн склонен усматривать соответствие иранскому saudagatai греч. saudai Гезихия – названия реки Селейнея и одноименного с ней племени ниже македонян. См.: *Chantraine P. Op. Cit., T. IV-1. Paris, 1978. P. 990; Шрамко Б.А.* Бельское городище-Гелон Геродота. С. 69.

32. *Hermann A. Neuroi // PWRE. Bd. 13. S. 158–160; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–89.*

33. *Chantraine P. Dictionnaire Etymologique de la langue Grecque. T. 2. Paris, 1970. P. 752.*

34. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Индоевропейская мифология // *Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 530–531.*

35. Там же. К тому же кругу мифологических представлений и персонажей относят ряд божеств, чьи

имена восходят к индоевропейскому *Trit- древнеиндийскому Trita («третий брат или мир»), Trita Artua («водяной, бог ручья»), авестийскому Thrīta, Thraetaona, к древнегреческому Triton (морской бог или поток), с которыми связан о спуске героя в колодез вследствие предательства двух других братьев, откуда, т. е. из нижнего мира, он добывает живую воду или богатства, которые позволяют ему преодолеть смерть и вернуться к жизни. К тому же кругу мифов относится и индоевропейский миф о водном царстве, главным персонажем которого является божество по имени *Nerot (буквально, «племянник», уравниваемый в правах с сыном), проявления которого обычно усматривают в древнеиндийском Арам Нарат, в идентичном персонаже иранской версии Арам Нарат и латинском образе Neptunus, к основе которого, вероятно, имел отношение этноним составлявших тандем с палами, напов, вторгшихся, согласно, Диодору, как отмечалось выше, в будущую Скифию. См.: Иванов Вяч. Вс. Топоров В. Н. Индоевропейская мифология. С. 530–531. Кроме того, в форме прилагательного neritai составляло параллель megaloi и было употреблено Гесиодом в обозначении понятия «большой лес» (Hes., Theog. Fr. 511). См.: Chantraine P. Op. cit. T. 2. P. 752.

36. Иванов Вяч. Вс. Волк // Мифы народов мира. Т. 1. С. 242; В указанном отношении нам представляется в качестве возможной засвидетельствованная в древнеиндийском языке форма существительного nekī-h (волчица), которая проявляя тождество с древними фигуральными обозначениями волков у скандинавов, поморских германцев (Восточная Германия) и славян (все определения находились в непосредственной близости от *Lugi), имела непосредственное выражения в этнонимах, приводимых античными авторами (Lou(g)oi (Страбон), Lougioi (Птолемей), Lyguoi (Дион Кассий), Lygii/Ligii (Тацит), и др., находящих прямые параллели в архаической форме этнонима *Lukoī, отображенного надписями царского архива хеттов (Lukka (ликийцы), Lukka (Ликия), Luwi (лувийский)). По мнению О. Н. Трубачева, эти два последних названия представляют собой рефлексию индоевропейского названия волка.» Гипотетический этноним *Lukoī, – указывает он, – существование которого можно допустить у части древнеевропейских племен, объясняется из индоевропейского *lukoos, древнего варианта индоевропейского *ulkoos (волк). См.: Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. I. М., 2004. С. 223–225.

37. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. М., 2005; Иванов Вяч. Вс. Волк. С. 242; Иванчик А. И. Войны-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Персидскую Азию // СЭ. 1988. № 5. С. 43–48.

38. Элиаде М. От Залмоксиса до Чингисхана. М., 1991. С. 104–105.

39. См., например: Седов В. В.

40. Впервые упоминание невров в верховьях Борисфена присутствует в труде Гелланика (FGH 4 A 64). Находящее противоречие со свидетельством Геродота

об обитании этого племени в верховьях Буга с учетом продолжительности жизни современника «отца истории» следует понимать как фиксацию конечного пути «селения» невров в страну Будинов, о чем уроженец Галикарнаса прямо указал в своем рассказе о неврах. Показательно, что эллинистические представления по этому вопросу, равно как и карта Сарматии Птолемея, зафиксировали устойчивость такой локализации, восходящей к варианту Гелланика. См.: Щеглов Д. А. Древнейшие греческие описания. С. 291.

41. Ильинська В. О. Про походження та етнічні зв'язки племен плульско-донецького лісостепу // Археологія. 1966. Т. 20; Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 85; Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. Обращает на себя внимание отмеченное ученым изобилие в этом регионе западно- и восточнобалканской гидронимии, вполне вписывающееся в утверждение об «исконности» эллинов Гелона. См.: Трубачев О. Н. Анализ. С. 276. Небезынтересно, что у части арохеологов сложилось устойчивое убеждение о скифоидном населении Среднего Дона как о самой эллинизированной группе населения за пределами Скифии, показателем чего выступает, в частности, по мнению П. Д. Либерова и В. А. Ильинской практика подражания греческим образцам в керамическом производстве. См.: Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (САИ. Вып. Д1-31). Табл. 10. С. 32–35, 37–39; 11, 1, 9; Ильинская В. А. Может ли быть. С. 91.

42. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 82–83; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 121, 132, 161, 162–163, 164.

43. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 231.

44. Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67.

45. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Юхновская культура // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 182–183.

46. Roulinson G. History of Herodotus in Four volumes. Vol. 3. London, 1862. P. 175. В последнее время О. Н. Трубачевым древнеиндийское Japa на основании вскрытия этимологии этнонима упоминаемых Геродотом Ализонов (иранское – ali-zantu, где zantu означает также «род», предлагается трактовать также как «род», в силу чего по его мнению греческое Alyzoni = Иран. Ari-zantu и означает «чужой род». См.: Трубачев О. Н. Indoarica/ С. 111.

47. Latte K. Beitrage zum griechischen Strafrecht // Hermes. 1931. Bd. 66. S. 96.

48. Glotz G. La solidarite de la famille dans le droit criminal en Greece. Paris, 1904. P. 85–87.

49. Chantraine P. Etymologie. Vol. I. Paris, 1968. P. 1966.

50. Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Спб., 2004. С. 94.

51. Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. С. 66.

52. Ibid. P. 168–174. См. комментарий ученого и его оценку вклада Г. Б. Нибура в понимание географии Скифии.

53. Петренко В. Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 67–81;

54. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 100–101, 106–107.

55. Рабинович Е. Г. Незримая граница // Евразийское пространство. Звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2003. С. 78–79.

56. В самое последнее время такая оценка дана В.Г. Зубаревым, допускающим, что и Средний Дон мог быть определен Геродотом в качестве особой реки (Сиргиса), а все остальные реки, располагаясь исключительно в Приазовье, к донской гидросистеме не имели никакого отношения. См.: Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 291, 292, 293, 295, 297, 321. На наш взгляд, со всеми ними сразу или с каждой по отдельности так или иначе соприкасается гидроним *maetes*, присутствующий в описании «отца истории» (IV, 45) и, по мнению лингвистов, имеющий прямое отношение к названию Меотиды или племени меотов. См. Трубачев О. Н. Indoarica. С. 27.

57. Совпадение свидетельств Псевдо-Скилака и Анонима (Ps.-Scyl., *Per. Pont. Eux.*, 79–80; Anon., *Per. Pont. Eux.*, 109) представляются отнюдь не случайными, поскольку внимательное прочтение сообщения Страбона о кавказских фтирофагах, живущих в ущелье над ахейцами, зигами и гениохами (Strabo., XI, 2, 1) в контексте исторических судеб племени будинов и жителей города Гелон, как нам представляется позволяет восполнить недостающее звено в триаде будины–гелоны–меланхлены и для удинов, которые по Геродоту были также фтирофагами (Herod., IV, 109), тем самым, найдя подтверждение мнению об их миграции на Северный Кавказ, чему в настоящее время не противоречит и наличествующая база памятников скифо-сарматского времени. Причиной такого переселения специалисты считают усиление агрессивности в среде кочевников, которое в свою очередь исходило из заметного потепления климата и аридизации степи, особенно ощутимой в континентальных регионах материка. Основную роль в указанном отношении сыграло постепенное изменение природных факторов и ландшафтов, достигших такой критической отметки, когда население степи и лесостепи просто было вынуждено тронуться со своих мест. В пользу этого, в частности, свидетельствует и то, что в европейской части (речь идет о времени 278–277 гг. до н. э.) исчезли практически повсеместно сельскохозяйственные владения у большинства северопричерноморских античных

государств. Прекратили свое существование и скифские поселения, расположенные в благоприятных районах, т. е. городища и селища лесостепи, Elizavetovskoe городище в дельте Дона и т. п. См.: Марченко К. К. Боспорское поселение на Elizavetovskom городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 184, 186; Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии. // 1997. С. 5; Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Автореферат дисс... д-ра ист. наук. М., 2006. Имевшие место по этому вопросу в прошлом трактовки этнонима Страбона должны быть, как мы полагаем, оставлены. См.: Белов В. Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима *fteirofagoi* // ВДИ. 1964. № 3. С. 130–136. Основанием для такого вывода служат, с одной стороны, новая датировка Перипла Скилака, которая позволяет рассматривать конец V в. до н. э. как начальную точку отсчета такого переселения этих племен в Центральное Предкавказье, а с другой – весь комплекс перечисленных данных археологии. Взятые вместе, они заставляют все больше и больше задуматься о возможном тождестве фтейрофагов Страбона и будинов-фтейрофагов Геродота и тем самым обнаружить будинов, гелонов и меланхленов в тех районах, где их присутствие фиксируют античные авторы. Примечательно, что где-то поблизости от них обитали пиратствующие ахейцы, а также то, что название дема Алопека в Аттике, полностью соответствует названию одноименного острова в устье Дона.

58. Разделение Греко-арийской общности, как считают лингвисты, имело своим следствием «расхождение» носителей сатемных и кентумных языков и их носителей, которое принимало по большей части весьма сложные, смешанные и противоречивые формы, т. е., например греко-армяно-фракийцы могли быть вовлечены в движение носителей индо-иранского субстрата и наоборот. Представление об этом сохранилось у Страбона в рассказах об Армене и реке Аракс = Пеней, расселении энианов (часть которых ушла другим путем в Эпир) над армянами за горами Абом и Нибаром, присутствии в указанном районе и фракийцев-сарапаров, проживавших по соседству с мидянами, наконец, в выводимом географом наблюдении, согласно которому в Греции с глубокой древности существовало убеждение о родстве мидян, армян, эллинов-фессалийцев и ахейцев (Strabo., XI, 14, 12–14). Несколько ранее Страбон, как нам представляется, в «зеркальном отражении» сообщает то же самое, приводя данные относительно происхождения ахейцев и гениохов кавказского побережья Понта Эвксинского – племен, занимавшихся морским разбоем (фтиотийские ахейцы и лаконцы (Strabo., XI, 2, 12).

59. Вполне вероятно восхождение р. Оар к иранскому **vagu-*, в переосмысленной форме **vo(a)g / Foag*, вполне приложимой к названию рек Донского бассейна – Воронежу и Хворостани. См. там же С. 112. Весьма информативные данные можно получить и из ретроспективного подхода к анализу свидетельств Ге-

родота о пути вверх по Танаису. Если допустить, что «отец истории» имел в виду в том числе и возможность преодоления последнего по самой реке, то в названном отношении станут весьма информативными данные русских письменных источников, в которых нашли отражение свидетельства очевидцев, совершавших плавание по Дону, который, как показывают многочисленные документы, до 90-х гг. XVII в. служил основной дорогой в развитии дипломатических отношений Русского централизованного государства с Турцией. В указанном отношении особый интерес представляет датированный 1389 г. труд Игнатия Смоляного «Пименово хождение в Царьград», содержащий данные о речном маршруте, преодоленном участниками священного посольства от Переяславля Залеского до устья Дона. Если взять информацию об отрезке пути между устьем р. Воронеж и дельтой Дона, и, более того, рассмотреть его вектор в обратном изложению направлении (т. е. привести в соответствие с направлением описания пути вверх по Танаису Геродота, то за упоминаемыми афинским историком реками, впадающими в Танаис, с нашей точки зрения, можно увидеть и соответственно отождествить Елань (+ Савала +Хопер), Битюг, Воронеж и Сосну, протяженность которых превышает 300 км, указывая одновременно на их статус в гидросистеме Донского бассейна). Примечательно, что в рассказе о совершенном паломничестве упоминания о Северском Донце отсутствуют вообще. См.: *Маштаков П. Л.* Список рек Донс-

кого бассейна. Л., 1934; *Степкин Ю. В.*, Писаревский Н. П. К интерпретации изображений донских кораблей из Павловских пещер // *Nostos. Athens*, 2001. С. 216–219.

60. *Маяк И. Л.* Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 121.

61. По мнению ученого, в отдельных этносах, населявших Скифию, следует видеть племена или племенные союзы (этнические образования). См.: Там же. С. 114–115.

63. *De Martino F.* Storia della constitutione romana. Vol. I. Napoli, 1958. P. 90.

64. *Ibid.* P. 486.

65. Примером, в частности, может выступать додинастический Египет, становление государственности в историко-географических рамках которого не было связано с урбанизацией, а социальное расслоение отражало не социальную позицию индивида, а его личный статус, поскольку разделение труда имело место не между сельским хозяйством и ремеслом, но между производством и распределением прибавочного продукта. См.: *Шеркова Г. И.* Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 143, 175. Альтернативный путь формирования этно-социальной системы населения будинского союза племен, мог отражать социальную систему ранних кочевников Северного Причерноморья – киммерийцев. См.: *Махорты С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 310–311